

Андрей Леонидович Анисин
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: anisin@bk.ru
SPIN-код: 5624-1912

Реконструкция традиционных ценностных координат российской цивилизации

Аннотация. Актуальность темы обусловлена выходом идеологического, ценностного, политического и экономического противостояния России и Запада на качественно новый уровень. Объектом исследования является духовно-нравственная культура народов России, а предметом философской рефлексии – ценностные основы формирования и развития общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства российской цивилизации. Методологически важно то, что ценности не выводятся из сущего – они отражают должный строй бытия. Общечеловеческое ядро традиционных ценностей заключается в нравственном сознании человека, а культурно-историческую конкретику общие нравственные идеи приобретают в ценностях конкретной цивилизационной модели. Условно выделено три группы традиционных ценностей: ценности личностные, общественные и государственнические. Обосновано, что государственнические и общественные ценности органически связаны с высокой личностной ценностью духовной свободы. При рассмотрении «общественных» традиционных ценностей акцент сделан на «справедливости», которая в русской культуре связывается не с правовым сознанием, а с нравственной правдой и религиозно окрашенной праведностью. Особое место в ряду традиционных российских ценностей занимает «приоритет духовного над материальным». Эта ценность имеет первостепенное значение также и как необходимое условие преодоления общемирового «кризиса нашего времени». Ценностные основы российского государства определены тем, что Россия в истории созидалась как «общий дом» для множества различных племен и народов. К особенностям русского патриотизма относятся также двуединство Родины и Отечества: чувство связи с родной землей и принадлежность народной стихии органично сочетаются в русском патриотизме с доминантой духовной свободы и личного служения. Задачей дальнейших исследований данной темы могло бы стать концептуальное обоснование ценностных приоритетов

государственного строительства и культурной политики в современной России.

Ключевые слова: традиционные ценности; сущее и должное; цивилизационные ценности; свобода; справедливость; идеациональная этика; ценность семьи; духовные основы государства; ценность служения; российский патриотизм

Обсуждение проблематики, связанной с осмыслением «культурного кода» России, уходит корнями, как минимум, в споры славянофилов и западников (можно, впрочем, указать и более ранние истоки этих дискуссий), однако в XXI в. тема традиционных российских духовно-нравственных ценностей приобрела особую актуальность. Связано это, несомненно, с выходом идеологического, ценностного, политического и экономического противостояния России и Запада на качественно новый уровень. От продуктивности ответа на этот цивилизационный вызов (употребляя терминологию А. Тойнби) зависит наше историческое будущее. Ответ должен быть дан не только «на внешнем контуре», но и – что одно только и может быть основой внешнего успеха – через укрепление внутренних ценностных основ собственного исторического бытия. Неслучайно вскоре после того, как в феврале 2022 г. противостояние с Западом перешло в горячую фазу, появился Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ (далее – Основы). В четвертом пункте Указа дано определение традиционных ценностей, а в пункте пятом приводится их перечисление. Для тех целей, которые может иметь нормативный документ стратегического планирования, сказанного в этих пунктах вполне достаточно. О целях и задачах, об инструментах и ожидаемых результатах деятельности по сохранению и укреплению традиционных ценностей в утвержденных Основах говорится подробно и ясно. При этом содержательное раскрытие

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.07.2025).

и концептуальный анализ самих ценностей не могли входить в задачи данного документа. Целью данной статьи является прояснение философских основ политико-правовой концепции государственного строительства, ориентированного на традиционные российские духовно-нравственные ценности. Объектом исследования является духовно-нравственная культура народов России в истории и на современном этапе, а предметом философской рефлексии – ценностные основы формирования и развития общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства российской цивилизации.

Если иметь в виду задачи концептуального анализа данной темы, то следует обратить внимание на ряд проблем. Прежде всего, нередко – даже на уровне научного дискурса – происходит смешение понятий «традиция» и «традиционные ценности». Этой проблемы зачастую вообще не замечают, и такое смешение является, в частности, причиной более заметных и более значимых в практическом плане проблем, касающихся системного понимания сущности, иерархии и взаимосвязи различных «традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Так, например, очевидно, что в XX в. Россия (принимая это наименование в расширительном смысле – в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 67.1 Конституции России) прошла через две революции, меняя при этом государственный строй и идеологические основы. Однако в какой мере верно то, что «в XX в. на наших землях дважды рушились старые ценностные порядки и возникали новые» (Шавеко 2024: 67)? То, что коммунистическая власть резко противопоставила себя «старому режиму» Российской империи, а демократическая Россия, юридически продолжая Советский Союз, начинала строиться во многом на пафосе отказа от всего советского – это несомненный исторический факт. Декларируемые и насаждаемые на государственном уровне оценки истории и современности, а также социальные стандарты очень сильно менялись в XX в. (причем не только в моменты этих двух революций, но и на протяжении советской власти), но вот вопрос – насколько и как быстро менялись при этом ценностные установки общества? При внимательном рассмотрении выясняется, что «советские воспитание и образование во многом культивировали в человеке либо вполне

буржуазные качества, либо же качества, относимые к этике добродетели, индифферентной к высоким идеалам» (Мартьянов, Фишман 2020: 143). Ценностную преемственность по отношению к «старорежимной России» нетрудно проследить в принципах построения и функционирования советского государства, да и в постсоветской российской политической системе «воспроизводство устойчивого комплекса социальных практик и механизмов взаимодействия определило характер ее функционирования куда больше, чем многочисленные структурные преобразования, смены руководства и программные проекты лидеров государства» (Ильченко 2011: 60-61). Смена идеологического вектора государства не меняет автоматически ценностных установок народа, и даже большие перемены в образе жизни могут не означать отказа от прежних жизненных ориентиров. Изменения в сфере ценностного сознания, конечно, происходят, но далеко не синхронно с изменениями социальных практик и даже народных традиций.

Наполнение понятия «традиция» зависит от контекста и целей его использования, но в любом случае это понятие обозначает определенную форму социальной жизни, заключающуюся в воспроизводстве культурных образцов, в регулярном сознательном повторении определенных действий. Разброс значений здесь простирается от «регулярно проводимых мероприятий» (в семье, в сообществе или в организации) до социокультурных сценариев и стереотипов. Но в любом варианте понимания «традиции» она обозначает нечто реально существующее, некую эмпирически фиксируемую регулярно воспроизводимую форму организации социальной деятельности.

Ценности имеют другой онтологический статус – если понятие «ценности» употребляется сколько-нибудь теоретически ответственно, то оно может относиться только к трансцендентальному плану бытия. Необязательно при этом соглашаться с неокантианским отрицанием вещей-в-себе, однако это означает, что привычная оппозиция объективного и субъективного в этой сфере не работает. Ценности обозначают собой определенный способ самореализации человека в бытии, но в то же время – и определенный способ организации того культурного пространства, в котором эта самореализация происходит и который ею же порождается. Достаточно часто эти два «спо-

соба» мыслятся раздельно: есть определенным образом организованное культурное пространство как уже существующее предзаданное поле человеческой самореализации, и есть сама самореализация, стратегия которой определяется свободным выбором, но – исходя из наличных условий предзаданного поля. Ценностная модель культуры, разработанная В. Виндельбандом и Г. Риккертом, уточняет, что никакого «объективного предзаданного поля культуры» попросту не существует, культурное пространство как таковое создается через «отнесение к ценности».

Сопряжение «объективного» и «субъективного» плана человеческого бытия в культуре, точнее – единое их основание, обеспечивается категорией «долженствования». Помимо желаний и возможностей, помимо чувства удовольствия и неудовольствия, которые часто стягивают на себя все внимание, человек имеет еще сознание долга. Причем, если серьезно вдуматься в жизнь человека, следует согласиться с Кантом, что это сознание занимает в этой жизни центральное место: «Человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни» (Кант 1965: 415). А В. Виндельбанд констатирует, что «три основные философские науки в трех областях душевной жизни² обнаруживают повсюду противоположность между психически осуществляющимися и нормальным³, между реальным и идеальным, между совершающимся во времени и имеющим вневременное значение. Мы видим, что наше сознание подчинено обоим законодательствам, которые не могут ни совпасть, ни безусловно разойтись и между которыми существует необходимый неизбежный и вытекающий из природы вещей антагонизм» (Виндельбанд 2007: 303).

Напряжение между сущим и должным (между нормами и законами природы, употребляя терминологию Виндельбанда) составляет главное содержание душевной и духовной жизни человека. Глубочайшей характеристикой человеческого бытия является утверждение должного в противовес сущему. При этом нечто такое, что всегда было, есть и будет (различные формы зла, например), человек объявляет недолжным, то есть

---

² Виндельбанд имеет в виду логику, этику и эстетику.

³ Виндельбанд имеет в виду требования норм, нормативность.

лишает это сущее права на существование. А нечто такое, чего, возможно, не было никогда, точно не существует теперь, и что вряд ли вообще когда-либо будет осуществлено в реальности (полное торжество добра и любви, например), человек утверждает как должное, то есть как не просто имеющее право на существование, а как не имеющее права не существовать. Противопоставление сущего и выраженного в ценностных установках должного доходит в неокантианской теории ценностей до весьма резких и непривычных для социологического мышления формулировок: «Не только невозможно понимать культурные ценности как положительный жизненные ценности, но культура должна даже быть поставлена в отрицательное отношение к жизни» (Риккерт 1998: 410).

Критерии должного артикулируются на социальном уровне различным образом – в первую очередь через нравственное сознание личности и общества, но также и через социальные институты семьи, «церкви» (имеются в виду различные по своей форме и по содержанию вероучения религиозные организации) и государства. В этой связи следует уточнить смысл декларации определенных ценностей в государственных нормативных правовых актах, и тем более – признания за ними статуса «традиционных». Правотворчество является важнейшим способом утверждения должного и исправления сущего на социальном уровне. При этом правовые нормы, разумеется, не изобретают ценностей, они, во-первых, их в той или иной мере отражают, а во-вторых, обеспечивают им поддержку и защиту – как на уровне общественного сознания, так и на уровне социальной практики. Как правило, правовое регулирование осуществляет эту аксиологическую функцию, обходясь без прямой декларации утверждаемых ценностей, просто действуя, исходя из них. Однако иногда такая декларация становится необходима – а именно в тех случаях, когда государство и общество чувствуют деструктивную угрозу ценностным основам своего существования. Наименование утверждаемых ценностей «традиционными» призвано при этом подчеркнуть необходимость сохранения исторической преемственности и культурной идентичности в жизни общества. Концептуально правильнее было бы говорить даже не о «традиционных ценностях», а о «традиционных ценностных координатах культурного пространства»,

где «под культурным пространством понимается пространство ценностей, продуцирующих содержание духовной и материальной культуры общества» (Касаткин 2017: 145). Не менее важен здесь и системно-концептуальный подход к осмыслению культурного пространства, развиваемый рядом исследователей (Хилько, Горелова 2023: 28-29).

Именно в этом контексте следует рассматривать тему ценностного сознания в целом и традиционных духовно-нравственных ценностей в частности. Методологически важно то, что ценности не выводятся из сущего, не определяются наличным бытием – они опираются на должное, на понятия, убеждения и идеалы, отражающие должный строй бытия. Именно обращаясь к понятию долга, можно прояснить сущность, статус и взаимоотношения ценностей общечеловеческих и цивилизационных. Основанием общечеловеческих ценностей является сознание и переживание нравственного долга в собственном значении этого понятия. Не случайно при определении традиционных ценностей в Основах родовым понятием указаны именно «нравственные ориентиры»⁴ (а не просто «жизненные» или «мировоззренческие»). База традиционных ценностей, общечеловеческое их ядро, заключается в нравственном сознании человека, в нравственном долге, осознаваемом как «голос совести».

Это нравственное сознание, действительно, едино во всем человечестве. Этому нравственному единству человечества несколько не мешает разница народных обычаев, национальных менталитетов и этикетных норм. Нравственное единство человечества на глубинном уровне сохраняется даже «в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»⁵. Дело ведь в том, что насаждение этой «деструктивной идеологии» (а именно: «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада

---

⁴ П. 4 Основ.

⁵ П. 11 Основ.

России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений»⁶) ведется по знаменем тех же – но извращенно трактуемых – абсолютных нравственных ценностей. При этом чем выше ценность, тем безобразнее может быть ее извращение. «Эгоизм», названный в этом перечне первым и являющийся извращением истинной нравственной идеи о высшей ценности человеческой личности, обращает в полную противоположность любую нравственную ценность, к которой прикасается, и ведет, в конечном итоге, через самоутверждение человека к его саморазрушению.

Помимо общечеловеческих ценностей, корнящихся в нравственном сознании человека, важная роль в культуре принадлежит ценностям цивилизационным, составляющим уникальную духовную конституцию тех или иных локальных культур. Их основанием является сознание и переживание сопричастности историческому бытию народа, принадлежности общим историческим корням. Можно сказать, что в ценностях конкретной цивилизационной модели общие нравственные идеи приобретают культурно-историческую плоть и кровь.

О роли нормативно-правовой деятельности в артикулировании, поддержании и защите ценностей уже было сказано, и вот что пишут об Указе Президента № 809 от 09.11.2022 министр юстиции Российской Федерации, ректор Санкт-Петербургского государственного университета (чл.-корр. РАН) и доцент кафедры конституционного права этого университета: «Данные Основы государственной политики оказываются по своей природе связаны с той абсолютной конституцией, которая определяет само существование ядра идентичности российской государственности и многонационального народа России» (Чуйченко и др. 2024: 161). Нам неизвестны иные случаи употребления термина «абсолютная конституция», скорее всего, он является авторским нововведением. Большой теоретический потенциал в этом понятии явно имеется: в отличие от несколько аморфного, но претендующего на общечеловеческую значимость «естественного права», оно выражает некие уникальные духовные основания локальной цивилизации,

---

⁶П. 14 Основ.

придавая этим основаниям абсолютный статус, – но без претензии навязывать их кому-то другому.

Предметно рассматривая традиционные российские духовно-нравственные ценности в качестве «абсолютной конституции» России, следует, прежде всего, выделить в них три группы, относящиеся соответственно к выстраиванию человеком собственного жизненного мира, к ценностным приоритетам общественного бытия и к ценностным основам государственной жизни. Такое разделение во многом условно, однако оно позволит яснее понять системную взаимосвязь этих ценностных установок. Порядок перечисления традиционных ценностей в п. 5 Основ эту взаимосвязь наглядно демонстрирует, но не способствует ее содержательному пониманию. Перечисление начинается с ценностей «личных», переходит сразу к «государственным», возвращается к «личным», называет далее некоторые «общественные», снова обращается к «личным», опять переходит к «общественным» и заканчивается «государственными».

Перечисление ценностей в пятом пункте Основ открывают «жизнь, достоинство, права и свободы человека». Будучи, несомненно, укорененными в общечеловеческом нравственном сознании, эти ценностные установки наполняются реальным содержанием только в рамках конкретной культуры. Особого внимания заслуживает здесь тема свободы – в отличие от «жизни, достоинства и прав», она часто понимается весьма неоднозначно, вплоть до полного непонимания смысла этой ценности: именно извращенное представление о свободе дает основу большинству названных выше проявлений «деструктивной идеологии». Если говорить о свободе применительно к русской культуре и традиционным ценностям российского культурного пространства, то важно разобраться с теми обвинениями, которые возводит на Россию русофобская пропаганда. Общим местом русофобской риторики является заявление о «рабском сознании», которое якобы присуще русским и «подтверждается» «деспотизмом» Ивана Грозного, Петра I, И.В. Сталина и в целом российской государственности. Однако, как пишет о «характере русского народа» Н.О. Лосский, «одна из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничившая с деспотизмом, заключается в том, что трудно

управлять народом с анархическими наклонностями. Такой народ предъявляет чрезмерные требования к государству» (Лосский 2005: 106). И речь не только о том, что сильная власть была нужна для подавления анархических начал, но, прежде всего, о том, что мощь государства каким-то образом отвечает запросам этого своеобразного русского анархизма. С тех пор, как Н.О. Лосский писал эти строки (середина XX в.), многое изменилось не только в практике жизни, но и в ценностных установках российского государства и русского народа, однако в этих изменениях сохраняется историческая преемственность российской цивилизационной модели, они не коснулись ее базовых ценностных ориентиров. И в этой связи важно отметить, что государственнические ценности в целом и ценность сильной государственной власти в частности органически связаны с высокой ценностью духовной свободы, утверждаемой в русской культуре. Реальная свобода обретается через принятие на себя ответственности, а свобода в настоящем высшем духовном смысле имеет в своей основе верность нравственному долгу.

«Высокие нравственные идеалы», «гуманизм, милосердие, справедливость», обозначенные в п. 5 Основ, можно с полным правом отнести к ценностям «общечеловеческим», однако применительно к России они имеют особое историческое основание. Найти в русской жизни и в русской истории можно разное: высокое и низкое, радостное и печальное – но это не отменяет того факта, что идеал «святой Руси», определяемый христианскими заповедями, был одним из определяющих духовных факторов созидания российской цивилизации. То, что реальная жизнь людей часто была весьма далека от идеала святости, очевидно для всякого честного исследователя русской истории, но слово «разрыв», которое тут по привычке напрашивается, было бы неудачно. Именно полного разрыва с идеалом в русской жизни, собственно, никогда и не бывало, идеал всегда в жизни присутствовал, даже если верх в ней брали очень далекие от идеала мотивы. Примерно об этом хрестоматийные слова Дмитрия Карамазова (поправку делать надо на то, что это не теоретические рассуждения, а «исповедь горячего сердца»): «Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом со-

домским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»⁷. Для героя романа такое соприсутствие в одной душе идеала высшей чистоты и святости с самым низменным развратом, приобретающим уже также статус идеала, непереносимо, но оно является, во-первых, фактом, а во-вторых залогом его собственного будущего нравственного возрождения.

Необходимо сказать и о поставленных через запятую ценностях «милосердия» и «справедливости», прояснив «русский» смысл справедливости. Сама идея справедливости предполагает соответствие заслуг и воздаяния: что заслужил (награду или наказание, плату за работу или человеческое отношение), то и получил – не больше и не меньше. Скользкий момент заключается в том, что объективную оценку заслуг дать очень трудно, каждый мерит «на глаз». Право как форма организации общественной жизни концептуально строится именно на идее справедливости. Вот только к правовой форме реализации этой идеи русский народ относится достаточно сдержанно: «Закон дышло: куда хочешь, туда и воротишь (туда и вышло). Где закон (или: законники), там и обида»⁸. Много есть русских пословиц и на ту тему, что милосердие выше справедливости. Но идея справедливости имеет, тем не менее, в русской культуре очень мощное воплощение, только связывается она не с правовым сознанием, а с нравственной правдой и религиозно окрашенной праведностью. Идея «социальной правды», идея обустройства жизни общества «по правде» – это и есть «русская справедливость», органично сочетающаяся с милосердием.

Особое место в ряду традиционных российских ценностей занимает «приоритет духовного над материальным». Хотя такая формулировка звучит как лозунг, она действительно отражает глубокие ценностные установки российской цивилизации. Впрочем, приоритет духовного над материальным имеет первостепенное значение не только в качестве важного ценностного

---

⁷ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11. Братья Карамазовы. Москва : Правда, 1982. С. 128.

⁸ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. А–З. Москва : Рус. яз., 1989. С. 589.

основания российской цивилизационной модели, но и как необходимое условие преодоления общемирового «кризиса нашего времени», о котором писал П.А. Сорокин еще в 1941 г., вынеся эти слова в заголовок своей самой издаваемой и переводимой книги. На основе беспрецедентного по эмпирическому охвату социологического анализа, проведенного ранее в «Социальной и культурной динамике», он констатирует: «Чувственные этика и право вновь зашли в тупик, отмечающий *finis* настоящей эпохи. Без перехода к идеациональной этике и праву, без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет избежать этого тупика» (Сорокин 1992: 504). При этом в терминологии П.А. Сорокина «идеациональная этика направлена не на увеличение чувственного счастья и удовольствий этого мира, а на единение со сверхчувственным Абсолютом» (Сорокин 1992: 489), а «идеациональный свод законов рассматривается как данный Богом или Абсолютом. ...Его нормы считаются заповедями Бога. Как таковые, они становятся абсолютными, хотя и не отвергают в принципе утилитарные или некоторые другие соображения» (Сорокин 1992: 494). Очень трудно надеяться на возрождение в современной западной цивилизации религиозных основ жизни, на преодоление этой цивилизацией того всестороннего кризиса, о котором пишет П.А. Сорокин. Разделит ли эту печальную судьбу Незапад – зависит от того, насколько эффективной окажется его опора на традиционные ценности. Надежду внушает то, что Запад – именно в мировоззренческом, ценностном смысле – никогда не считал Россию (тем более – Глобальный Восток и Глобальный Юг) частью себя.

Приоритетность духовных ценностей в культурном пространстве современной России может быть поставлена под сомнение, особенно на уровне эмпирически фиксируемых проявлений. Однако такой приоритет оказался действенным фактором в процессе исторического становления русской культуры и российского общества, а потому является для них ценностным архетипом, даже несмотря на существенные проявления в культуре и социальной практике современной России черт того «кризиса нашего времени», о котором пишет П.А. Сорокин. В исторической ретроспективе можно констатировать, что освоение русским народом огромных пространств евразийского континента было бы невозможно без постоянно про-

являемой способности пренебрегать интересами материально-го благополучия.

Русская (и впоследствии российская) цивилизация имела экономическим базисом земледелие, и это при том, что две трети нашей территории – это вечная мерзлота⁹, а из оставшейся трети едва ли не половину составляет зона так называемого «рискованного земледелия». Только 14% территории России имеет оптимальное для сельского хозяйства соотношение тепла и влаги¹⁰. В Древней Руси процент земель потенциально пригодных для земледелия был несколько больше, однако они были малопродуктивны и практически сплошь заняты лесами. Разумеется, тяжесть условий жизни сама по себе не порождает приоритета духовности, однако только при наличии такого приоритета становится возможным освоение огромных территорий почти не приспособленных для жизни человека.

В силу уже названных географических и исторических условий существования России особое звучание в российском менталитете приобрели такие ценности общественной жизни как «созидательный труд», «коллективизм, взаимопомощь и взаимопочтение». Трудно сказать, насколько эти ценностные установки были выработаны в ходе освоения новых земель, а насколько уже имеющиеся ценностные ориентации позволили русскому народу это освоение начать и успешно совершить. Скорее всего, нужно говорить о некоей «соприродности» исторических задач освоения евразийских пространств от Северного Ледовитого океана до Великой степи и ценностного строя русской души.

Переходя к ценностям «государственным» (еще раз подчеркнем условность этого деления), следует, в первую очередь, остановиться на тех, которые завершают перечисление п. 5 Основ: «историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Эти ценности служат связующим звеном между «духовными основами общества» и «духовными основами государства». При этом сохранение и укрепление единства народов России как традиционной

---

⁹ Национальный Атлас России. Вечная мерзлота. URL: <https://nationalatlas.ru/tom2/240-242.html> (дата обращения: 21.07.2025).

¹⁰ Национальный Атлас России. Хозяйство и экономическое развитие. Природные условия сельскохозяйственной деятельности. URL: <https://nationalatlas.ru/tom3/317.html> (дата обращения: 21.07.2025).

российской духовно-нравственной ценности обеспечивается именно исторической памятью и преемственностью поколений. Общественно-исторические основы российского государства определены тем, что Россия с самого своего зарождения создавалась как «общий дом» для множества различных племен и народов. Сам русский народ, имея мощное и не размытое до сих пор восточно-славянское генетическое ядро своей идентичности, исторически сложился из множества племен и народностей – славянских, тюркских, финно-угорских, уральских и других. Практически все народы, исторически жившие на освоенных Россией территориях, сохранились в ее составе. Модель сосуществования, предложенную им российским государством, можно описать формулой: «участие в единой государственной жизни при сохранении национальной, языковой и культурной самобытности». Формы такого участия и степень вовлеченности в них могли быть весьма различны: от экономических связей до государственной службы, – например, в иррегулярных воинских формированиях.

Общее служение единому государству было наиболее значимым фактором формирования общероссийской национальной идентичности. Многоэтническая российская нация как основа Российской империи и Советского Союза имела в качестве своей ценностной основы «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу». Эти ценности коренятся, как и многие уже рассмотренные, в общечеловеческом нравственном кодексе, однако в системе ценностных ориентиров российской цивилизации они занимают особое место. «Можно отметить, что в России всегда представлялось ценностью служение государства народу и народа государству в сопряжении с признанием свободы и духовного достоинства человека, что являлось необходимой предпосылкой формирования государственной идеологии», – пишут современные исследователи (Рожковский, Боева 2024: 225). Далек не всегда этот ценностный идеал имел в российской действительности зримое выражение, однако он, действительно, играл важную организующую роль в рамках «русской идеологии». Русский идеал государственности очень глубоко выражен И.А. Ильиным: «Государство есть организованное общение людей, связанных между собою духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом,

но поддерживающих ее силою патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками» (Ильин 1996: 238). Дав эту формулировку, он уточняет: «Это значит, что настоящее, здоровое государство покоится именно на тех духовных основах человеческой души, которые мы вскрывали в нашем исследовании», – и делает ссылку на предыдущие главы: «О вере, О любви, О свободе, О совести, О семье, О родине, О национализме». Истинное понятие о государстве, таким образом, оказывается здесь неразрывно связано с духовной жизнью личности и духовной жизнью народа. При этом идея взаимного служения власти и народа является основополагающей в российской обществено-политической парадигме: «Государство может требовать от граждан службы и жертв; но оно само должно служить и жертвовать» (Ильин 1996: 247).

К особенностям русского патриотизма относится также двуединство Родины и Отечества, где Родина связана с матерью-землей и представляет собою некое духовное лоно человеческого бытия, ту духовную почву, в которую уходят корни человеческой жизни, а Отечество – это только что описанное с опорой на И.А. Ильина государство в его духовном измерении как взаимном служении власти и народа. Чувство связи с родной землей и принадлежности народной стихии органично сочетается в русском патриотизме с доминантой духовной свободы и личного служения.

Подводя итог этому небольшому исследованию, следует еще раз повторить, что трудность концептуализации «ценностной конституции» общества определяется тем, что эта конституция не может быть изобретена, но не может она и быть взята из эмпирической социальной реальности. Ценности не есть продукт простого субъективного произвола, но они и не существуют в этой реальности эмпирически фиксируемым образом. Система ценностей (значимостей) является условием возможности всякого смысла в культуре, то есть, по существу, всякого культурного опыта. Культура состоит не из эмпирических фактов, а из смыслов, образующихся через отнесение к ценности. Именно на этот процесс смыслообразования в культуре и необходимо направить исследовательское внимание при решении задачи концептуализации ценностных основ конкретной, российской в нашем случае, культуры.

Гипотезой представленных здесь рассуждений было то, что общечеловеческая основа ценностного сознания находит свое конкретное преломление в контексте самобытных локальных культур. Проведенный анализ позволяет утверждать принципиальное системное единство традиционных российских духовно-нравственных ценностей, укорененное в истории и культуре русского народа, народов, составивших российскую политическую нацию, в истории российской государственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виндельбанд В. 2007. Прелюдии / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. Москва : Гиперборея : Кучково поле. 400 с.

Ильин И.А. 1996. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1 / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Москва : Рус. кн. 400 с.

Ильченко М.С. 2011. Инерция в российской политике // Свободная мысль. № 5. С. 55–66.

Кант И. 1965. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. Москва : Мысль. 544 с.

Касаткин П.И. 2017. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 145–156. DOI 10.17805/zpu.2017.4.13

Лосский Н.О. 2005. Характер русского народа. Москва : Дарь : Издат. Совет Рус. Православной Церкви. 336 с.

Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. 2020. Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. № 3. С. 135–149.

Риккерт Г. 1998. Философия жизни. Киев : Ника-Центр : Вист-С. 505 с.

Рожковский В.Б., Боева О.М. 2024. Традиционные духовно-нравственные ценности в государственной идеологии современной России // Философия права. № 4. С. 222–228.

Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Москва : Политиздат. 543 с.

Хилько Н.Ф., Горелова Ю.Р. 2023. Типология методологических подходов к определению культурного пространства // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 25–33. DOI 10.17805/zpu.2023.4.2

Чуйченко К.А. и др. 2024. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики / К.А. Чуйченко, Н.М. Кропачев, В.Е. Кондуков // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 156–165. DOI 10.21638/spbu25.2024.201

Шавеко Н.А. 2024. Традиционные российские ценности: проблемы определения и обоснования их перечня // Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публично-го права : сб. науч. трудов по итогам Первой Междунар. науч. конф.,

посвящ. 100-летию С.С. Алексеева (Екатеринбург, 14 нояб. 2024 г.) /
гл. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : ИФиП УрО РАН. С. 64–76.

Andrey L. Anisin

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: anisin@bk.ru

Reconstructing the Traditional Value Framework of Russian Civilization

Abstract. The relevance of this study stems from the escalation of ideological, value-based, political, and economic confrontation between Russia and the West to a qualitatively new level. The object of research is the spiritual and moral culture of Russia's peoples, while the subject of philosophical reflection is the value foundations shaping the formation and development of an all-Russian civic identity and the unified cultural space of Russian civilization. Methodologically, it is essential to note that values are not derived from “what is” – rather, they reflect “what ought to be”. The universal core of traditional values lies in human moral consciousness, while general ethical ideas acquire cultural-historical specificity within the values of a particular civilizational model. Three groups of traditional values are provisionally distinguished: personal, societal, and state-oriented values. It is argued that state-oriented and societal values are organically linked to the high personal value of spiritual freedom. When examining societal traditional values, emphasis is placed on justice, which in Russian culture is associated not with legal consciousness but with moral truth and religiously infused righteousness. A distinctive feature among traditional Russian values is the “primacy of the spiritual over the material”. This value is of paramount importance as a necessary condition for overcoming the global crisis of our time. The value foundations of the Russian state are shaped by the fact that Russia has historically been built as a common place for numerous tribes and peoples. A defining characteristic of Russian patriotism is the dual unity of “Rodina” (homeland) and “Otechestvo” (fatherland): the sense of connection to native land and belonging to the national spirit are organically combined with the primacy of spiritual freedom and personal service. A key direction for further research on this topic could be the conceptual justification of value priorities in state-building and cultural policy in contemporary Russia.

Keywords: traditional values; is; ought; civilizational values; freedom; justice; ideational ethics; the value of family; spiritual foundations of the state; the value of service; Russian patriotism